

Ильгар Сафат

LUCIDITY
сны о режиссуре

Ильгар Сафат

Lucidity. Сны о режиссуре

«Издательские решения»

Сафат И.

Lucidity. Сны о режиссуре / И. Сафат — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853568-0

Сборник философско-онтологических текстов, посвященных театру и образу Трикстера. В трактате исследуется феномен люсидных сновидений, связь природы бессознательного с методом театральной режиссуры. Трактат состоит из глав, описывающих измененные состояния сознания, люсидные сновидения, а также различные методы применения метафизического опыта в режиссерской практике.

ISBN 978-5-44-853568-0

© Сафат И.
© Издательские решения

Содержание

1. Вместо предисловия	6
2. Появление Арлекина	7
3. Ничего, кроме соблазнов	8
4. Вовремя врыться	9
5. «Сказка сказок»	12
6. Мыслящий тростник	14
7. «Сон тени – человек»	15
8. Мерцающая повседневность	16
9. Лисье пойло	17
10. Беспредельщик-Арлекин	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Lucidity

СНЫ о режиссуре

Ильгар Сафат

Посвящается Вагифу Ибрагимову¹

© Ильгар Сафат, 2017

ISBN 978-5-4485-3568-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Вместо предисловия

В Каббале говорится, что когда небеса чем-то недовольны в жизни человека, они лишают его сновидений. А еще есть такая фраза из Талмуда, выведенная У Эриха Фромма в «Забытом Языке» в эпиграф: «Непонятый сон подобен нераспечатанному письму». У меня в жизни был длительный период, когда я не то, чтобы не видел снов, нет, сны были всегда (и всегда в очень большом количестве), но в тот период я был не способен их запоминать при пробуждении. Много лет меня интересовало такое чудо нашей психики, как люсидное сновидение. Интерес этот не ослаб и теперь, со мною люсидные узнавания себя во сне происходят довольно часто. Не претендую на создание творческого метода, или религиозной практики, но мысли о люсидных состояниях всегда связаны у меня с размышлениями о Режиссуре. Этим двум феноменам и посвящена эта книга. В ней нет ни плана, ни четкой структуры, просто записи и наблюдения, собранные за долгие годы, с 1990 по 2016 г. г. Эта книга – что-то вроде творческой лаборатории, в которую, я надеюсь, будет небезынтересно заглянуть и читателям. Это путешествие к темным недрам (а может быть лишь скольжение по поверхности) моей психики. Путешествие внутрь пугающего лабиринта, в котором я находился все эти годы, нахожусь, по сей день, и выхода из которого все так же отчаянно ищу. Надеюсь, мы в нем не заблудимся.

2. Появление Арлекина

Необычайно высветлилось сознание, но что ему освещать, если все подвалы вывернуты наизнанку? Вся нечисть из этих подвалов разбежалась в разные стороны. Остался только театральный задник, опустевшие декорации, внутри которых ничего не происходит. Театр опустел. Актеры разбежались, и публика разбрелась. Появляется в пестром лоскутном костюме Арлекин. Он один предан Театру, и даже отсутствие публики его не смущает. Тем более отсутствие коллег. Легкий взмах руки, и на сцене гаснет свет. Вдруг вспыхивают прожекторы. Лоскутный костюм переливается пестрым блеском. – Мне не нужны слова, – говорит Арлекин, и изгибается в неестественную дугу. – «Слова, слова, слова». Я не Гамлет, чтобы зубрить одно и то же. Мне не нужны драмы. Мне не нужны зрители. Мне не нужны другие артисты: я могу быть каждым из них. Мне даже не нужен Театр: в любой голове я могу сколотить свои подмости. Даже в самой пустой. Чем больше пустоты в голове у человека, тем роскошнее мои декорации. Моему Театру не нужен репертуар. Я могу сыграть все. Любую пьесу. Любую роль. Любой жанр. Всем моим шалостям вы будете соперничать. Я знаю, как выжать из вас слезу. Я знаю, как вас рассмешить. Я знаю, чем вас можно увлечь, и чем напугать. Вы же, как дети, не имеющие своих мыслей, и лишь повторяющие мысли взрослых. Но кто тут есть взрослее меня? Никого. Я первым выбрался из Хаоса, и первым встал на ноги. Вы все еще ползали на четвереньках, как животные, и агукали, как младенцы, а я уже сшил себе этот лоскутный костюм. Это я оживлял тени на стенах пещеры, и развлекал вас жуткими сказками. Жаль, что вы ничего этого не помните. В вас так же мало памяти, как и разума. – Что-то ты разговорился, старый шут! Видать давно тебя не били дубинкой! Полежай обратно в коробку, или я вытряхну из тебя всю твою вековечную пыль!

3. Ничего, кроме соблазнов

А что, если попытаться записывать все, что приходит в голову? Какое-то время, пока писал первую строчку, в голове не было ни одной мысли: совершенная пустота. На второй строке подметил, что лишь некая область моего сознания проговаривает каждый слог, закрепляет мысль и следит за правдивостью ощущений, сопровождающих меня в момент написания. Но все это – мышление дезориентированное. В самом деле, я не знаю, куда мне гнать свою мысль: и давно уже не имею такой цели. Сам акт мышления как-то чувственно ослепляет меня. Но чувственному и рациональному нелегко ужиться вместе. От напряжения, сопутствующего созиданию мысли, я получаю порцию такого чувственного удовлетворения, которого мне оказывается вполне достаточно, чтобы перестать мыслить, так что сама цель мышления остается недостижимой и забытой. Гурджиев был прав, говоря, что сосредоточенно думать о чем-нибудь одном для человека практически невозможно: мысль разъедается посторонними воздействиями так быстро, что от нее ровным счетом ничего не остается меньше, чем через долю секунды. «Человеку свойственна забывчивость!», – написано в Коране. Но что же тогда такое «беспрерывная молитва» святых? Или же тотальное «вспоминание себя» того же Гурджиева? От сознательного усилия, которое человек прикладывает, задавая своему мышлению ту или иную направленность, – в нем появляется и постепенно выкристаллизовывается некое духовное качество: компас, или, (опять же по Гурджиеву) некий «магнитный центр», которым со временем он может научиться руководствоваться в выборе необходимых ему мыслительных направлений. «Магнитный центр» имеет реальный энергетический объем. Тут мысль моя зашла в тупик. Действительно, а что же дальше делать с этим «компасом», какой ориентир следует отыскивать по нему?! – Свободу? – Бога? – Или же понимания этих категорий: «свободы», «бога»... Можно ли сказать, что, созидая «магнитный центр», человек работает над созданием и утончением собственной интуиции? «Магнитный центр» – это окошко, сквозь которое в человека заглядывает космическая энергия. Но что же в этот момент делать самому человеку, – или ему остается лишь пассивная роль **наблюдаемого**? Нет, скорее этот энергетический «компас» служит для диалога человека с теми великими силами, которыми мы окружены, и которые неусыпно следят за мельчайшими движениями наших слепых душ. Но не есть ли желание диалога с **ВЫСШИМ** – гордыня? – Действительно, может ли человек быть равноправным партнером в этом «диалоге»? – Возможен ли такой диалог? – Что может человек предложить **ВЫСШЕМУ**? – Только чуткость! Т.е. – человек должен лишь воспринимать и помнить. И еще «отделять зерна от плевел», т.е. пропускать все воздействия сквозь свою внутреннюю цензуру, поскольку разного качества энергия проникает в нас из внешнего мира. Чаще всего неочищенная, грубая, темная. Мы обязаны следить за качеством воздействующей на нас энергии. Различать светлое от темного. Пропускать все темное – **в покаянии души своей** – сквозь сито «магнитного центра». То **ВЫСШЕЕ**, что глядит в нас и повсюду сопутствует нам, то, что нас создало и то, чему принадлежит наша жизнь – не терпит проявления гордыни в человеке. Наказывает ее. О том, насколько это наказание ужасно, я знаю по собственному опыту. Боль физическая и страх, страх в чистом виде, страх, парализующий душу и давящий спазмами тело, – это еще не самые жуткие грани подобного наказания. Однако я отвлекся. Итак. **«Магнитный центр» собирает энергию и очищает ее.** Господи, я благодарю тебя за то, что ты научил меня пониманию того, что в этом мире нет ничего реального, кроме соблазнов... —

4. Вовремя врыться

На легком корабле подплываем к острову, затерянному в океане. В потоках ветра над кормой висят крикливые чайки. Чайки – морские поводыри, но им не ведома цель нашего скитания. Никто из нас, узников этого ветхого судна, не знает, куда плывем мы, куда несут нас ветры, и что еще уготовила нам неумолимая Фортуна. Но вот, в бескрайних просторах океана, проглядывает призрачная точка. Остров. Земля. Если верить байкам мореходов, остров этот славен своими дикими карнавалами. Отправляются они как пародия на христианское богослужение. Мне со смехом молвит одноногий боцман, что однажды ему уже приходилось проплывать в здешних водах, и он высаживался на этом маленьком пятачке суши. О карнавале боцман вспоминает с явным удовольствием. Традиция их ведется со времен средневековья. Все население острова шествует по улицам города, выходит на побережье океана, организуясь в этакий буйствующий Парад Дураков. Разгульные кавалькады, крики, танцы, бой барабанов, шипящие огни факелов: ослиная задница легко здесь может подменить икону. Театрализованные шествия заканчиваются всенародными оргиями. Этнически обитатели этого острова выводятся из какой-то редкой, исчезнувшей породы, внешне чуть похожей на азиатскую. Но это какая-то особая раса, не известная европейской науке. Широкие скулы, серая обветренная кожа на узких костях, необычный разрез глаз (череп аборигена, попади он в руки алчных перекупщиков, имел бы не малую ценность и составил бы гордость любому антропологическому музею Европы, в Лондоне же за ним могла бы начаться настоящая охота). Одним словом, порода этих островитян весьма редкая. Тем эксцентричнее и гаже выглядят разнузданные проявления дикарей в рамках христианской традиции. Боцман извлекает изо рта курительную трубку, и, смачно плюнув за борт, продолжает свой рассказ. Неизвестно, кем было занесено христианство на этот далекий островок, ведь связи с материками у него нет никакой. Возможно, миссионерами здесь были пираты. Мы подплываем к берегу острова как раз в период таких дьявольских игрищ. Боцман спускается в трюм отдать последние распоряжения матросам. Навожу подзорную трубу на тонкую линию на горизонте. Не поручусь за всю команду (на судне гнезилось много разного сброда), но мне от увиденного стало дурно. Что-то мерзкое подступило к горлу, так, как это бывает у новичков во время «морской болезни». Но я-то ведь в море не новичок, и давно уже всеми «болезнями» в своей жизни переболел. Толпа бесноватых дикарей шла вдоль берега кривой вереницей. Ветер едва доносил до нас лишненные мелодичности песни аборигенов, нестройные ритмы барабанов и визги флейт. Фабула процессии карикатурно воспроизводила воскрешение Христа, Его второй пришествие. Каждый год, в начале весны, из мужчин среднего возраста выбирается человек, исполняющий роль Спасителя. Среди аборигенов проводится жеребьевка, и когда статист выбран – народ должен славить его и воспевать похабными шуточками и хвалебным смехом. Шествие островитян, оно было просто отвратительно: здоровый человеческий рассудок не мог бы измыслить такое. Счастливого избранника (этого Лжехриста) несли на примитивном троне: к нему тянулись жалкие калеки, старики целовали полы его пестрой одежды, матери подносили к нему грудных младенцев, в надежде получить благословение, подростки восславляли его плаксивыми гимнами, юные девы, сладчайшие девственницы, не знавшие порока, скабрезничали у его ног. Избранником был молодой дикарь лет тридцати, вида женственного и даже явно гомосексуального. С рыжей крашеной челкой, свисавшей над узким прыщавым лбом: во взгляде его было что-то дегенеративное (такое выражение можно часто встретить у содомитов). Лицо дикаря, рябое, широкоскулое, было гаденько размалевано румянами и помадой, – выражалось на нем полнейшее самодовольство. Видно было, что он наслаждается минутой своего случайного счастья, смакует его, нимало того не скрывая и не стыдясь. Еще бы, чернь несла его на руках, его забрасывали цветами, его восхваляли. Это ли не счастье ничтожество?! Повсюду, на шестах, разве-

вались пестрые лоскутные вымпелы и хоругви, с выписанными на них непристойными афоризмами. Это были уродливые перевертыши известных библейских изречений (я не буду их здесь приводить). Впереди толпы обнаженная женщина вела на поводке молодую ослицу. И то и дело кто-то из мужчин подбегал к ней сзади, и прилюдно с нею совокуплялся (я имею в виду ослицу). Шествие аборигенов завлекало нас ярким гротеском, боем барабанов и пьяными плясками: это было странное зрелище, и я бы сам не поверил в его реальность, не доведись мне увидеть все воочию. Наше судно почти уже подошло к берегу этого поганого острова, как вдруг на горизонте выросла гигантских размеров волна. От моряков я, конечно, слышал про цунами, но не думал, что и мне доведется самому пережить этот кошмар. Острым резцом, волна стремительно двигалась в нашу сторону. Никто из аборигенов, однако, не замечал приближения цунами, все были всецело поглощены слепым безумием карнавала. Внезапно стало темно, как ночью: сквозь толщу воды больше не пробивалось сияние солнца. Судно наше от гула и давления, вызванного движением могучей водной громады, качнулось и затрещало по швам. Еще одно мгновение, и, казалось, обшивка корабля распорется, разлетится, как нищенская ветошь. Все мы сразу поняли, что нам угрожает смертельная опасность. Воля людей была парализована, скована цепенящим страхом (сужу по себе). Странно, но ни один матрос не попытался что-либо предпринять, чтобы сберечь свою шкуру: похоже, ни у кого просто не было веры в наше спасение. Вдобавок, мы налетели на скалу, нас стало затягивать сильнейшим водоворотом: думаю, что именно тогда большинство на судне в мыслях уже распрощалось с жизнью. Но тут вдруг произошло нечто невероятное (прежде я думал, что чудеса возможны только во сне и в священных писаниях): море под нами внезапно расступилось, разошлось. (На память мне почему-то пришла ветхозаветная история о погоне египетского фараона за Моисеем, исход евреев из рабства). Остров дикарей, как дурное видение, исчез, а мы всей командой очутились на зыбком каменистом дне. Волны под нами разбежались. Море чудесным образом сдвинулось, и судно наше из-под нас словно вымыло. Нас всех разбросало по сырому дну, и мы рассыпались по скользкой земле, увязая в ней, как посевные зерна. Огромные отвесные волны нависали над нами, закрывая небо. Отовсюду доносились крики, стоны, плач и зовы о помощи, поглощаемые ревом грохочущих вод. Выбора не было, и не было времени думать: чтобы спастись, я решил поскорее врыться в землю. Пока глыбы волн не обрушились на нас, можно было попытаться это сделать. Я стал, разбивая руки в кровь, врываться в темный мокрый щебень, заваливать себя ракушками и тягучей глиной. Расчет мой был таков, что (если, конечно, я успею зарыться под землю) тяжелые волны пронесутся надо мною, меня не задев, и меня не смоеет, не унесет смертоносным потоком. Так ребенок прячется ночью от своих темных кошмаров под маминым одеялом. В считанное мгновение я врылся в дно морское, не обращая внимания ни на унижительность своих действий, ни на возникший во всем теле дискомфорт: острые ракушки плотно облепили мое тело, сдавили его тесным слоем. Так я оказался под землей на глубине, примерно, в метр. По моим расчетам, волна должна была вот-вот обрушиться, упасть на меня грузной массой. Я запасся дыханием в легких, суетливо протараторил молитву («Отче наш...»), малодушно зажмурил глаза: все, теперь будь, что будет. Тело мое было плотно стянуто каменистым покровом, как саваном. Мне вдруг подумалось, что в этой позе я похож на мумию фараона египетского, на труп, погребенный... Но времени закончить эту страшную мысль мне не хватило: чудовищная волна, сметая все на своем пути, пронеслась над бедною моею головой, унося невесомыми щепками корабля (и наш в том числе), и людей, не успевших последовать моему примеру. Всю команду (я, впрочем, никого не знал по имени, да и лиц, признаться, ничьих теперь не вспомню), – снесло ревушим потоком, как мусор. Меня придавило тяжелейшим грузом. Тело мое трясло и колотило так, словно поток шел внутри меня, будто он ревел под моей кожей. Холодные струи засочились сквозь камни, под которыми я укрылся (как-то эти круглые гольши назывались, но я теперь не вспомню их названия): поток все шел, шел и шел, и я на мгновение потерял способность мыслить. Через минуту шум пре-

кратился, и ко мне вновь вернулся рассудок. Я понял, что опасность миновала, волна прошла. Не теряя времени (так как запас воздуха начинал иссякать), – я принялся судорожно выгребать себя из-под груды мокрых камней. Поначалу это было не просто, мне трудно было даже просто пошевелить плечом. Первые несколько движений я сделал с невероятным усилием. Но вот, наконец, толстый слой щебня поддался. Отгребая глину, я выбрался наверх, словно краб после отлива. Тяжело дыша, и жадно глотая воздух, выполз на поверхность: передо мной раскинулся голый бескрайний простор, – каменистая пустыня, уходящая далеко за горизонт. Волна, пробежав в неизвестном направлении, увлекла с собою и все море. Солнца в небе не было, словно и солнце было смыто водами с небес. От набега волн в живых осталась только небольшая горстка счастливых, – те, кто, как и я, успел вовремя врыться. И все мы сейчас, словно встающие в Судный день из могил мертвецы, выползли из-под вязкого земляного покрова, сбрасывали с себя водоросли и комья глины. Повсюду вокруг билась рыба, лишенная воды, но нас это мало трогало. Больше внимание привлекали обломки затонувших кораблей вдали: вернее то, что можно было обнаружить в их трюмах. Любопытно было бы исследовать и руины вынесенных на поверхность древних городов, погибших тысячелетия назад: там, наверняка, нашлось бы, чем поживиться. Но, впрочем, и к руинам никто из спасшихся не рвался. Большинство из нас беспомощно ползало по вязкому дну на четвереньках, словно скот. Лишь некоторые, наиболее крепкие, с трудом смогли подняться на ноги, и с радостными криками кидались друг другу в объятия. Для всех для нас наше спасение было невероятным чудом. Меня лихорадило и колотило, и в суставах чувствовалась слабость. Я стоял на коленях, как пес, облепленный со всех сторон тягучей глиной и водорослями. Ко мне тоже подбежало несколько человек (лиц их я не помню, и никогда прежде не встречал этих людей), – они с дружескими криками кинулись ко мне, поздравляя меня со спасением, в которое и сам я, признаться, до конца еще не мог поверить. Я им попытался улыбнуться, но тут же почувствовал, что рот мой набит песком, ракушками, водорослями и мелкими камнями. Грязь отяжеляла душу. Мне стало неприятно, и я принялся судорожно отплевываться, выковыривать изо рта всю эту горькую дрянь. Много ракушек, ила и песка вышло из меня, и даже несколько маленьких креветок, но часть этой гадости (я ощущал) все еще отягощало мои внутренности. Я долго отплевывался, пока, наконец, кто-то из спасшихся не протянул мне флягу с какой-то красноватой пахучей жидкостью. Я выпил этот приятный сладковатый напиток, и мне сразу же стало гораздо легче: это было вино.

5. «Сказка сказок»

Раз в Хабаровске, под Новый Год, несколько дней сидел дома, читал. Потом ходил на салют, устроенный по случаю праздника. Множество людей в парке. Ледяные фигуры: особенно понравился волчок из «Сказки сказок» Норнштейна, сидящий над ледяной колыбелью. Русские праздничные гуляния, конечно же, не для трезвого человека. Безумный штурм ледяной горки. Страшная давка. Крики. Атмосфера праздника довольно диковатая. Сознание людей, как на картинах Босха, охвачено какой-то общей галлюцинацией. Салют: красочные вспышки в черном звездном небе. Бутоны разноцветных огней в морозном пространстве. Проворно разбегаются кривые тени деревьев. После каждой вспышки волной бьет в грудь. Подобное я как-то ощутил в Москве, на «Пушкинской»: в момент известного взрыва я был в подземном переходе. Также ударило в грудь. Тверская, над головой, просела. Еще запомнилось об этом теракте, как из перехода вынесли и пронесли мимо негритянку. Голова ее была повреждена, из раны шла кровь. Суматоха, паника: люди рванулись из перехода наверх, теряя на ходу обувь (помню женский каблук). Странно. Это я только теперь вспоминаю тот взрыв на «Пушкинской»: на салюте этих мыслей не было. Однако, возможно где-то глубоко, в подсознании образы из прошлого и мелькали, но были неуловимы. На праздничном гулянии люди катались по парку на снегоходах: машины с грохотом пронеслись мимо, оставляя после себя едкий запах солянки. Этот запах напомнил мне о тайге: о моем путешествии к Татарскому проливу, к бухте Гроссевичи. На поезде мы доехали до Порты Ванино, затем до Совгавани и оттуда 400 км. по тайге, по Ботчинскому заповеднику. Это путешествие я никогда не забуду. Ощущение тайги, того, что тайга живая. Прикосновение к дикой природе: тигровые следы на нашем пути, тигровые «метки», царапины от когтей на деревьях, стада косуль, убегающие прочь от нашего грохота вверх по склонам сопки. Одну косулю я даже успел заснять на видеокамеру, но она почти неразличимо мелькнула среди деревьев. Шум воды подо льдом замерзшей реки. Ночевка среди лесных людей. Нехоженые тропы. Древние листья, оттиском оставшиеся на камнях. Это просторы, на которых за всю историю человечества людей почти не было. Всякий раз, вспоминая свои ощущения, пережитые в тайге, мне вспоминается почему-то одна история, прочитанная мною толи у Лопатина, толи у Шренка (не помню точно). В ней рассказывается один удивительный случай, который мне кажется очень кинематографичным. Вначале говорится о том, что среди «туземцев» на Дальнем Востоке очень часто случаются душевные болезни. И приводится рассказ, в которой речь идет о нескольких «гольдских» охотниках, перешедших за Сихотэ-Алинь, и за одним из перевалов вышедших к морю. Их было, кажется, трое. Двое из них видели раньше море, а один увидел его впервые. И тут такое сильное чувство охватило его, что он сошел с ума. Двое его товарищей с трудом дотащили охотника через тайгу в родное селение: позвали шамана, чтобы он оказал бедолаге помощь, вернул ему разум. Шаман камлал, камлал, но ничего не смог поделать: он объяснил, что у моря они встретили местную богиню, которая и похитила душу охотника. И поскольку находятся они теперь от этого места далеко, у него нет силы, чтобы забрать душу человека у этой богини. Не помню, чем там закончилась эта история, но я на себе очень остро испытал, что пребывание в тайге действительно сильно меняет психику. Происходят какие-то странные, неконтролируемые процессы. Я ощутил, что тайга живая, и она перестраивает, «переформатирует» душу человека так, как хочет того сама. Анимистическое восприятие мира, присущее всем первобытным народам, коснулось и меня. Этот рассказ о человеке, впервые увидевшем море, и сошедшем от этого с ума, мне хочется снять. Шаманство, как и поэзия, могли появиться только в лоне первобытного мира. Последние годы меня неуклонно тянет в первобытное. Очень хочется снять «Мать Мира» (архетип женского): женщина, как первый шаман, черпающая из резервов природы целительную силу. Возвращение матриархата. Шаман-мужчина лишь промежуточное

звено. Травестиизм шамана: рядится в женщину, одевает юбки, вешает на грудь металлические диски и т. п. Аспект измененного сознания, как связь с миром сакральным. Современное общество феномен измененного состояния сознания поначалу от себя отдаляет (институт лечебниц для душевнобольных, вытеснивших в средневековье лепрозории), а затем делает его объектом своего изучения. Вот что мне попало у Мишеля Фуко («История безумия в классическую эпоху») о появлении в Европе традиции создания лечебниц для душевнобольных: «Вполне возможно, что определяющую роль здесь сыграло восточное влияние и арабская мысль. Действительно, в арабском мире, видимо, довольно рано стали возникать настоящие больницы для безумных: возможно, что уже в 7 в. в Фесе, возможно, опять таки, что ближе к концу 12 в. – в Багдаде и, что достоверно известно, в течение следующего столетия в Каире; в них прибегают к своеобразному лечению души, включая музыку, танцы, зрелища и чтение вслух волшебных историй; лечение это проводится под врачебным руководством, и именно врачи принимают решение о прекращении его, если оно достигло цели. Как бы то ни было, вряд ли случайно, что первые в Европе госпитали для умалишенных появились в начале 15 в. именно в Испании. Имеет значение и тот факт, что госпиталь в Валенсии основали братья ордена Помилования, тесно связанные с арабским миром, поскольку они занимались выкупом пленных...» Любопытнейшая тема, связанная с суфизмом. Я помню, я что-то слышал о том, что одна из граней азербайджанского мугама также была связана с лечебными целями. Возможно, что первые лечебницы на Востоке основывали именно суфии, а те, кого Фуко называет «врачами» (ар. «хаким»), – ни кто иные, как суфийские шейхи. Тут очень много суфийских ассоциаций: музыка, танец, зрелища, мистические притчи... Дервишизм, Меджнун, считавшийся «не от мира сего», попросту говоря – «безумцем».

6. Мыслящий тростник

Попробуем повторить эксперимент под названием «путешествие за мыслью». Сегодня, признаться, я не чувствую себя в той форме, в том напряжении, что было вчера (см. гл. №3). Если вчера у моей мысли была четко очерченная вертикаль, то сегодня все как-то разжижено, растянуто по горизонтали. Правда, объем мысли, хотя и растянутой, вполне приличный, – я сам не вижу ее границ. Мыслью занят весь горизонт, все поле восприятия реальности. Вчера же она пульсировала, находясь в одной точке, – словно растение, прорастающее сквозь толщу земли, мысль тянулась в невероятном усилии ввысь, зацепившись за один силовой пяточок. Точка пульсации мысли вчера располагалась где-то в темени. Сегодня же «точки» как таковой нет вовсе, а мыслящее поле ощущается в области затылка. Странно, мыслить человек может каким угодно клочком своего тела. Силовая доминанта мысли может находиться в любом уголке человеческого организма. Собственно, **тело человека само и есть некая мыслящая структура, мыслящий организм**, непрерывно осваивающий реальность: себя в реальности и реальность в себе. То же самое относится и к механике чувств. Чувство ведь тоже есть одно из средств освоения мира, природы – человеком, – один из механизмов и уровней мышления. В этом смысле можно заметить, что сегодня мой способ постижения реальности ближе к уровню чувств. Слова и сами мысли как таковые даются довольно тяжело. Во мне сегодня преобладают тенденции бессознательного. Бессознательное размывает мою интеллектуальную сущность, оставляет только некий чувственный объем, пассивно соприкасающийся с миром. Сложно отыскать себя в этих чувственных потоках среды. Я растворен в бессознательном, бессознательное растворено в среде, и мне уже трудно выделить во всем этом месиве свое сущностное ядро: что же здесь все таки есть я? Только что мне подумалось, что в этой ситуации, пожалуй, только два стимула могут вывести меня из состояния некоего духовного оцепенения, беспочвенности. **Боль и память**. Болевой стимул может мгновенно отбросить меня к моему смысловому ядру, – это прием чисто технический. В отношении же памяти необходима опять таки определенная работа и немалое усилие, – это во всех смыслах полезная практика, т.к. она затрагивает сразу несколько жизненно необходимых нам духовных сфер. Тут в действие приводятся: 1.) **интуиция** (с помощью которой мы должны будем отыскать сам объект воспоминания), 2.) **внимание** (которое мы должны концентрировать на объекте воспоминания), 3.) **мысль** (которую мы будем нашим воспоминанием пробуждать), – словом, все самое полезное в нашем психическом аппарате. Память – это важнейшее. Суфийское «вспоминание Аллаха», «беспрерывная молитва» святых отцов православной церкви, или все то же «вспоминание себя» Гурджиева, – все это, в сущности, одна и та же практика. В каждом конкретном случае у человека разные святыни, – это дело традиции и места рождения. Но механизмы, пожалуй, везде одни и те же. Впрочем, я и тут не берусь утверждать что-либо определенное: я только описываю свои ощущения. Все это, конечно же, лабиринт. Но я не вижу иного способа выбраться из него, кроме как с помощью мышления. Иногда из этого лабиринта меня выхватывает Нечто, – это всегда экстремальный накал переживаний. В них я не принадлежу себе, хотя именно в таких переживаниях я и обретаю свой наибольший духовный объем. И состояние эйфории, какого-то пугающего блаженства, отрывающего от земли, вырывающего мою душу из капсулы моего тела, – состояние это потом долго еще не отпускает меня в сомнамбулических токах мира «реального», внешнего. Я проваливаюсь в новую реальность, в новое время, и уже не могу узнать себя прежнего: ведь человек это не только совокупность качеств, но еще и капсула времени... —

7. «Сон тени – человек»

У нас на курсе, среди филологов, ходила некогда забавная побасенка, – что, мол, Сэмюэль Кольридж в период своей болезни летом 1797 года (послужившей, как известно, отменным обстоятельством для создания автором его знаменитого «Видения во сне, или Кубла Хан», о котором мы читали у Борхеса), – велел вышить бисером на подушке, служившей ему в ту пору, золотой изогнутый ятаган, полумесяц разящей сабли. Оружие это символизировало, по тогдашнему нашему незрелому представлению, единственный и последний оплот хворого поэта: его дивные грезы, феерические фантазмы, видения и миражи. Дальнейшие же наши литературоведческие измышления весьма, однако, видоизменили этот художественный миф: оружие романтического поэта теперь отнюдь не сон, не видения и не сказочные его дремы, – но нечто иное, отчаянно им противоборствующее. Клинок разит небытие. В последней из сохранившихся од («Алкмеон», Пиф. 8) фиванца Пиндара, из Киноскефала, сына Даифанта, – читаем великолепные, незабываемые строки о прискорбной доле человеческого рода: «Сон тени – человек!». Люди – это только скоротечные вспышки, излучения и миражи некоей Вселенской Воли, Вселенской Души. Некто, Существо, не поддающееся никаким моральным или философским определениям, – Некто мыслит наш мир. Фантазмы Его, вся Вселенная, все мы, мир, человек, – все это лишь временные психические вспышки. Волны. Импульсы. Миражи. Все мы, наш мир – это лучи Сверхсознания: мертвого (если верить Ф. Ницше), но несущего свои космические вибрации механически и инерционно, – подобно тому, как мы видим в небесах свет далекой звезды, давно уже угасшей. «Наш мир – на грани исчезновения!», говорят суфии. Излучения. Или – сны. Так, может быть, и Кольридж боролся с некоей роковой Тенью, чьим Сном он себя никак не хотел признавать, – а потому и велел вышить на своей подушке золотой ятаган: наивно, конечно же. Но ведь поэты, а романтики в особенности, – всегда отличались своей экстравагантностью. (Нам достаточно вспомнить славного опиокурильщика Эдгара Алана По). Да и романтизм в целом, как культурное явление, знаменит своим богоборчеством и демонизмом: «Сон тени – человек!», – это недопустимо.

8. Мерцающая повседневность

Понятно, что как всех желаний низменных, так и всех желаний возвышенных, нам не наполнить. Нас не смогут утешить никакое чревоугодие, роскошь и сладострастие. Нас не смогут успокоить никакие идеи, даже если мы на какое-то время и убедим себя в их истинности. Всегда будет возникать конфликт с пониманием истинности другим человеком, и с его желаниями удовлетворить свое не насыщаемое чревоугодие, сладострастие, и прочие темные страсти. Поэтому, лучшее, по примеру принца Гаутамы, отказаться от всех желаний и погрузиться в Пустоту. Но пространство Пустоты, как выясняется, самое труднодостижимое место в мироздании, и оно, как и все прочие пространства, увы, уже занято Творцом. Так что нам делать? Не растворившись в Творце, мы не можем заполнить собою Пустоту. Но нам жаль себя, мы к себе привыкли, и расставаться с предметным миром нам страшно. А вдруг, и Творца никакого нет, и мы, как утверждают некоторые, произошли от обезьяны?! Что тогда?! Тогда наш уход в Пустоту в лучшем случае – ошибка, в худшем – помешательство. В любом случае, это – страшно, погружаться в неизведанное без каких-либо гарантий! Прекрасны люди: своими мелкими страстями они создают мир абсолютно лживый, и, тем не менее, создающий хоть какую-то устойчивость и достоверность. По крайней мере, нам понятно, что верить ничему нельзя, и все окружающее нас – игра. Но что там, за порогом нас самих, когда уже не мы играем грубыми атрибутами, а некие силы играют нами, как ураганный ветер, раскидывающий комья земли?! Стихия. Туда нам лучше не заглядывать. По крайней мере, так считают все нормальные люди. Теперь послушайте, что вам расскажет ненормальный.

9. Лисье пошло

Внезапно нашлись силы перестроить зрение с неподвижной точки, на которую я неотрывно смотрел все последнее время (оказывается, это было яблоко, висевшее на ветке дерева), – и перестроить оптику на текущие объекты, видневшиеся чуть поодаль от меня. Выясняется, что лежу я среди массивных колонн и опрокинутых капителей, один, среди заросших плющом развалин и руин античного храма. В воздухе пахнет гниением и заброшенностью, сухими листьями отошедших тысячелетий. Людей поблизости нет (по крайней мере, мне их не было слышно). Тела своего я не ощущал: какое-то время я был чистой идеей, бестелесным духом, впервые открывшим для себя реальность внешнего мира. И реальность эта, надо признаться, была весьма странной. Мир, в который я был выброшен на этот раз, напоминал декорации провинциального театра, условные, пошатывающиеся от ветра, постройки, наспех сколоченные нерадивым плотником. В них я чувствовал себя статистом, забывшим свою реплику, более того, не мог я припомнить и пьесы, которая тут разыгрывается. И как не прислушивался я к гудящей тишине, мне не был слышен голос суфлера. В моем арсенале не находилось ни единого кода, ни малейшего намека на то, кто я есть такой, как зовут меня, где я сейчас нахожусь и как я здесь очутился: страшное чувство актера, потерявшегося на сцене, страшное чувство человека, запямятовавшего, кто он такой. «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу», вот все, что смог я припомнить. Но что мне теперь делать в этой неизведанной, пугающей среде? В чем находить смыслы, способные поднять меня на ноги? «Вероятно, – думал я, – я есть то, что я в данный момент ощущаю, мои эмоции, выходит, это и есть я». Таким образом, тело мое первым стало изобретать тот язык, при помощи которого я мог бы общаться с миром, тело подсказывало мне способы его понимания. Но тут стоит разделить эмоции от ощущений, ведь первые принадлежат, все-таки, душе, тогда как вторые – собственно телу. Однако, отыскать в себе хоть какие-нибудь узнаваемые эмоции и внятные чувства оказалось не так то просто, тогда как ощущение я разглядел вполне конкретное: я ощущал неприятную резь в затылке, благодаря которой, наконец-то, сообразил, что голова моя, похоже, лежит на чем-то жестком. «На земле!», – вдруг догадался я, и сердце мое бешено заколотилось. Не так уж и мало, чтобы жить дальше. Напрягши все силы, я слегка повернул голову на бок (но это действие чуть было снова не ввергло меня в небытие). Вокруг не было ни души, только разбитые статуи греческих богов (среди которых я смог узнать только Аполлона), и какие-то мрачные руины древнегреческого театра. В ветвях деревьев хрипло и одиноко вскрикивала птица, и я услышал режущий шелест ее крыльев, – вероятно, чем-то напуганная, она улетела. Вдруг в зарослях послышалось копошение: мимо меня легким ходом прошли двое неизвестных. Незнакомцы прошли рядом со мною, метрах в двух, но не обратили на меня ни малейшего внимания, так, словно я был не человек, нуждающийся в помощи людей, а заросшая мхом кочка или пень. На лицах знакомцев была отпечатана мертвенная иступленность (толи это были слепцы, толи сомнамбулы, толи на них были актерские маски, разглядеть я не успел): шли они рядом, бок о бок, но казалось, что спутники даже не замечают друг друга. Я попытался их окрикнуть, но грудь моя была слаба, ее будто придавило каменной плитой. Вместо крика последовал лишь сдавленный выдох (он был не способен и бабочку вспугнуть на цветке, не то, что привлечь внимание прохожих), – и крика этого, разумеется, никто не услышал. Странные люди скрылись в гуще деревьев, и я опять остался один. Мне было страшно и одиноко. Надо мною нависало густое небо, изредка перерезаемое птицами, пролетающими мимо меня. Пролежал я так несколько дней, наблюдая, как небо меняет свои голубые дневные покровы на черные, усеянные яркими звездами, ночные. Небо вращалось вокруг меня, словно пестрое колесо, а я все оставался неподвижен, и чувствовал себя ненужной осью, вокруг которой и было закручено все мирозданье, скрежещущий механизм Вселенной. Летели дни, подобно

вязкому потоку текло время, которого впервые мне становилось жалко. Подняться на ноги сил у меня все еще не появлялось, напротив, день ото дня я чувствовал, что слабею. Но не смотря на такую беспомощность, страсть к путешествиям и тут не оставляла меня: я не отрываясь смотрел на небо, на дивные замки и непроходимые кущи, создаваемые ветром, и воображал себя единственным человеком, Адамом, заблудившимся в дремучих дебрях Эдема во времена, когда Ева еще не была создана из моего ребра. Впрочем, я понимал, что это путешествую не я сам, а всего лишь бледный оттиск моей мысли, ее эфемерный фантом. И стоило мне поймать себя на этой мысли, как призрачный агент моего рассудка (не менее, впрочем, призрачного и эфемерного), – срывался и падал с заоблачных башен вниз, на землю, разбивался и мгновенно исчезал. Иногда небо опускалось так низко, что казалось, будто оно касается моих глаз: мир тогда изламывался и разбухал солеными гранями, внутрь меня втекала все его многовековая горечь, и я понимал, что плачу. За те долгие ночи, что пролежал я среди античных развалин, я изучил небо так хорошо, что мог теперь ориентироваться по звездам, даже не открывая глаз. Все их я запомнил и сосчитал, каждую научился чувствовать и понимать, как родного человека. И если какая-нибудь звезда, не выдерживая моего взгляда, срывалась и падала вдруг с небес, – меня это расстраивало так сильно, что весь последующий день я не сводил глаз с зияющей пустоты, возникшей в небе после ее падения. Так пролежал я не знаю, сколько времени, но я помню, что луна не единожды усекалась острым месяцем, а затем постепенно, день за днем, отяжеляла свое чрево до полного бремени. Повсюду чувствовалось приближение зимы, начинало подмораживать, и шансов на спасение у меня оставалось все меньше и меньше. Но вот однажды вечером, когда в небе мирно соседствовали алый месяц и блеклое, угасающее солнце, – из темных зарослей ко мне стремительно ринулось юркое, вьющееся рыжее пламя: и я не сразу сообразил, что это была лисица. Вернее, лис. Зверь игриво прыгнул на меня, и, ожидая, по всей видимости, что сейчас я пушусь от него наутек, – легонько ткнул меня острием вытянутой морды. Поняв, однако, что игры в преследователя со мною не получится, лис принялся разочарованно меня обнюхивать. Я так давно не ощущал живого тепла, что теперь даже пахучее дыхание из лисьей пасти доставляло мне неизъяснимое удовольствие. Зверь тщательно меня обнюхал, ткнул влажным носом меня в губы, и стал шершавым языком лизать мои глаза, забирая с них всю соленую влагу. Мне сделалось очень приятно, и я попытался лису улыбнуться, но боюсь, что у меня ничего не получилось, ведь мускулы лица были также мне неподвижны, как и все мое тело. Жалобно поскулив и пофыркав у меня над ухом, и сыпанув на меня горстью песка из-под своих лап, лис со всей прыти кинулся куда-то прочь. Между тем, уже плотно сгустились сумерки, солнце скатилось куда-то за руины театра, и в небе полноправно воцарился сутулый месяц. Я понимал, что плачу, но не чувствовал слез, глаза все еще удерживали память о шершавых прикосновениях лисьего языка. Стекающая по щекам влага размягчила землю, от чего затылок еще глубже ушел в сырой слой. «Смерть моя, должно быть, где-то уже рядом, – думал я, – и это ее близость так вспугнула доброго зверя». Но вдруг из зарослей ко мне выбежала шумная лисья стая, вызванная, вероятно, тем пестрым разведчиком, что обнюхивал меня минуту назад. Я не видел самих зверей, а только слышал царапающее шарканье множества лисьих лап, и вдыхал зловонное дыхание из множества лисьих пастей вокруг себя. Первое, о чем я подумал, что сейчас лисы примутся рвать и терзать мое тело, расхватывать его на куски и обглаживать кости. Но внезапно кто-то из стаи лизнул меня в губы, и я узнал шершавый язык своего недавнего четвероногого знакомого: это несколько успокоило меня, и я стал прикидывать, сколько именно хищников может кружиться сейчас возле меня. Звери с любопытством и наглостью обнюхивали мое одеревеневшее тело, бесцеремонно ударяя черными носами в самые сокровенные его уголки, – то в грудь, то в пах то и дело тыкалась чья-нибудь острая мордочка. И вдруг я почувствовал, что кто-то из стаи мочится прямо мне на голову. Поначалу это страшно меня возмутило и ввергло в ярость, я страдал от своей беспомощности, оттого, что не в состоянии подняться на ноги, и разогнать этих гадких псов хорошей палкой.

Возмущаться, однако, пришлось мне недолго: как-то вдруг, словно как по команде, лисы обступили меня плотным кольцом, и стали дружно мочиться на меня двадцатью потоками (наконец-то я смог их всех пересчитать), – меня буквально затопило обжигающей лисьей мочой. Тяжелые струи хлестали меня, словно плети, побивали тело, лицо, просачиваясь едкой горечью в глаза и рот. Чтобы не захлебнуться этим мерзким пойлом, я плотно сжал зубы и зажмурил глаза. Лисы долго обдавали меня янтарным фонтаном, от чего землю подо мною глубоко размыло, и я провалился в огромную зловонную лужу. Вокруг, шлепая лапками, перебегая с места на место, и сменяя друг друга в живом кольце, обступившем меня, кружилась лисья свора. Мне было боязно распахнуть глаза, я опасался, что раскаленная моча этих тварей мне их попросту разъест. Но когда я все-таки решился их чуть-чуть приоткрыть, всякий раз над своим лицом я видел задранную лохматую лапу, из-под которой била в меня дымящаяся струя. Мне казалось, что издевательству этому не будет конца, и я так и верну Богу душу, омываемый лисьей мочой («хорош же я предстану перед Всевышним, – думал я, – но, с другой стороны, ведь это же Его шутка и Его промысел закинуть меня в подобную ситуацию»): ожидание, когда же наконец закончится это унижение, так измотало меня, что я лишился остатка сил и снова потерял сознание. Но – чудо. На утро я проснулся совершенно здоровым и полным сил. Я сразу вскочил на ноги, так, словно не было долгих недель бездействия и бессилия, не было всех моих тяжелых испытаний и изматывающих приключений. Да, действительно, то, что я принял за руины античного храма, ими и оказалось: повсюду я увидел сваленные на землю массивные колонны, разломанные фризы и искрошенные статуи греческих богов. Что-то пугающее было во всей этой обстановке, особенно беспокоило меня отсутствие людей. Оглядевшись по сторонам, я обнаружил вокруг себя множество мелких пятен, впечатанных в не просохшую еще землю, – это были следы вчерашней лисьей стаи. Сплетение следов, поток лисьих лапок создавали странный рисунок, напоминавший женское тело, контуры Матери Мира, от чрева которой отделялась извивающаяся дорожка из таких же лисьих следов, похожая на пуповину. По этой рыхлой пуповине, как Тесей в лабиринте, ведомый нитью Ариадны, я и пошел вглубь темного леса, на встречу новым испытаниям.

10. Беспредельщик-Арлекин

«Чувство просветления приходит даже к самым тупым», – так говорил Кафка. Меня однажды осенило: а ведь те метафизические опыты, которым уделяю я столько времени на протяжении вот уже многих лет (с 1990 года), – ведь все это имеет непосредственное сходство с актерской психотехникой. Мысль простая, и вроде бы даже самоочевидная, но от нее я испытал что-то вроде легкого просветления. Да, это мое вечное самокопание (вернее – самозерцание), эти мои отчаянные попытки проникновения в глубинные механизмы собственной психики, – все это очень похоже одновременно и на систему Станиславского, и на метод изучения «человеческой машины» Георгия Гурджиева. А вообще-то, любопытно было бы выяснить: были ли эти два «гиганта мысли» знакомы с теориями друг друга, и можно ли эти две «школы», эти два метода, совместив их на практике в театре или кино, в режиссуре применить? Известно, впрочем, что Константин Сергеевич проявлял интерес к эзотерике и йоге, – так что в его Системе совершенно точно заложены некие «сакральные механизмы». Что же касается меня, то мои попытки обрести подлинную сущность, т.е. мой «метод», – возник от какой-то (если так можно выразиться) «метафизической безликости», от неустойчивости, от изменчивости моего личностного ядра. Да, первоначальным импульсом для поиска было, по всей видимости, именно это. Гурджиев, помнится, разделял личностный пласт в человеке, и сущностный. И однажды я понял, что я никогда полноценно не ощущал ни себя в реальности, ни реальности в себе, – мне не на что было опереться в целом мире, и это было страшно, ей Богу. Даже и сейчас воспоминание об этом чувстве пугает меня, а прежде и вовсе ввергало меня в какой-то чудовищный ступор. Людей я тоже воспринимал вокруг себя либо как что-то неустойчивое, текучее, либо как застывшую маску, трафарет, не способный к живой жизни. И в том и в другом случае человек становился условен, его почти что и не было, и в серьез мне его воспринимать не следовало. В общении же с людьми я ловил себя на мысли, что я всегда только отражаю их психический посыл, их живой импульс, их эмоцию, их силовой поток. Да, я не манифестировал себя (как это обычно делается между людьми, каждый себя манифестирует), а всего лишь дублировал, подобно зеркалу, отражал тот метафизический образ, ту живую среду, соприкоснуться с которой предлагал мне мой собеседник. Во мне всегда было что-то от Протея (изменчивость форм, подвижность), но свойством моей природы было не пластическое соответствие своему визави (в этом я всегда видел что-то постыдное, кривляться и играть, подстраиваться под другого человека внешне не позволяло мне чувство собственного достоинства), – нет, я реагировал на человека именно внутренне, метафизически, глубинно. Я сливался с ним духом и словом, стилем и качеством своего мышления. Сливался с его психическим потоком, проникал в него, растворялся в нем. В мозгу моем вспыхивал кукольный образ человека, и я, как кукловод прячась за ширмой, выставлял перед собеседником именно ту марионетку, с которой он мог бы найти общий язык. А бывало и так, что, считав психический код человека, я отвечал инаковостью своего отношения к ситуации, иным ракурсом, иным взглядом (тут плечи распрямлял мой хулиганистый Трикстер, мой «беспредельщик» – Арлекин). К сожалению, у меня не хватало ума не высказывать вслух своих мыслей, от чего и возникали постоянные конфликты с социумом, с людьми (здесь мне явно не хватало артистической гибкости, легкости и шутовского витийства). Но зато у меня доставало соображения понять, что человек – это всего лишь совокупность качеств, и качества эти изменчивы и непостоянны: качества человека, как воздух, как музыкальную ноту, как цвет, невозможно поймать в сачок или зажать в кулаке. Но мне очень часто хотелось, ухватившись за какое-нибудь одно из свойств человека (показавшееся мне наиболее симпатичным, и в силу этой симпатии воспринимавшееся мною, как единственная суть данного человека), – хотелось вновь и вновь возвращаться именно к этому его качеству, провоцировать его на те состояния, на те свой-

ства, которые мне было приятно в нем видеть. Но, наверное, так поступают в общении и все люди. Люди ведь обращаются не к живому человеку, а к своим же собственным представлениям о нем, т.е. к своим же фантазиям, к своим идеям о человеке. Но меня здесь почти всегда ожидали большие разочарования, поскольку сам человек почти никогда не относился к тем качествам, которые казались мне в нем наиболее симпатичными, как к чему-то для него важному. Люди, они зачастую как-то очень по-особенному понимают самих себя, не всегда адекватно своей сути. И выходило так, что обращался я к пустоте, а сам человек от меня ускользал, выворачивался, рассеивался, подобно фантомному облаку. Наверное, это и есть форма нашего общения. Люди не хотят, чтобы ты прикасался к их подлинным качествам, они хотят, чтобы ты обращался к их привычному пониманию самих себя, к их персональной идее, к их личному мифу о самих себе. Но у меня всегда были свои соображения на это счет, мне было интересно в людях лишь живое (их энергия), а не их унылые фантазии. Наверное, во мне всегда доминировал Режиссер, – т.е. человек с амбициями на авторитарность. Понятно, что никому такое дело понравиться не может (наверное, по этому люди и пытались от меня ускользнуть): к тому же, моя идея «авторитарности» всегда отнимала у меня много энергии, много сил. Всегда следовало быть более убедительным, чем твой собеседник, более интересным, более живым, а для этого приходилось много работать над собой, много читать, чтобы знать больше остальных (или, по крайней мере, делать вид, что ты знаешь больше), много размышлять. Так во мне развилась привычка постоянного «духовного делания», инстинкт тотальной рефлексии и вечного самокопания (и – самоконтроля): мне захотелось сделать процесс своего мышления непрерывным, перманентным, так, чтобы он никогда не прерывался ни в течение дня, ни даже ночью, внутри сна. Освоение пространства сна стало моей страстью, моей «навязчивой идеей», если угодно – моей сумасшедшей мечтой... —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.